

Оригинальная статья / Original article

УДК 165.9

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-151-160>

История формирования представлений о реальности. Шаг второй: судьба и случайность в античной мысли классического периода

© А.И. Шафоростов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Рассматривается процесс формирования и развития образа судьбы в античности в аспекте соотносительности судьбы и случайности. Выделяются мифический и логосный аспекты образа судьбы, показывается связь представления о судьбе с видением мира как целостного космоса. Проводится анализ мифологии судьбы как жребия и воплощения случайности, как неизменной доли, как исполнения predetermined смерти, как всеобщей и необходимой силы, властвующей над каждым человеком. Показываются различные стороны понимания судьбы в мифе и в философии, связь судьбы со жребием, справедливостью, необходимостью, удачей, вероятностью, что соотносится с многообразием судьбы как Мойры, Тюхе, Ананке, Дике. Выделяется общее направление изменения понимания судьбы от безличной слепой космической силы к мировому закону, воплощающему в себе необходимость, переплетенную со случайностью внешнего воплощения. В представлении о судьбе выделяется ее случайная и необходимая составляющие, дается анализ понятия судьбы с точки зрения упорядоченности, привносимой в мир судьбой, и случайность, показывающая человеку его судьбу как слепую силу. Рассматриваются вопросы понимания античной мыслью источника судьбы, возможности предвидения судьбы, согласия с судьбой и противостояния ей. Делается вывод о наличии в представлении о судьбе двух уровней – мифического и логосного, объединяемых в представлении о необходимости подчинения человека мировому порядку.

Ключевые слова: судьба, закон, случайность, необходимость, справедливость, жребий, логос, миф, полис, космос, Мойра

Информация о статье: Дата поступления 6 августа 2019 г.; дата принятия к печати 9 сентября 2019 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Шафоростов А.И. История формирования представлений о реальности. Шаг второй: судьба и случайность в античной мысли классического периода // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 151–160. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-151-160>

The history of the formation of ideas about reality. Second step: fate and chance in Ancient Thought of the Classical Period

© Alexander I. Shaforostov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The process of formation and development of the image of fate in Antiquity in the aspect of correlation of fate and chance is considered. The mythical and logos aspects of the image of fate are distinguished, the connection of the idea of fate with the vision of the world as an integral cosmos is shown. Author conducts the analysis of the mythology of fate as the draw and the realization of randomness as a constant proportion, such as the execution of predefined death as universal and necessary sily, ruling over every person. He shows different sides of the understanding of fate in myth and philosophy, the relationship of fate with lots equity with him getting a necessity, luck, probability, which correlates with a lot of the imagery of fate, Moira, Tyche, Ananke, Dicke. The general direction of changing the understanding of fate from an impersonal blind cosmic force to the world law embodying the necessity intertwined with the randomness of the external embodiment is highlighted. In

the presentation about destiny its random and necessary component is allocated, the analysis of concept of destiny from the point of view of an orderliness, bring-my in the world destiny, and the accident showing to the person his destiny as blind force are given. Author discusses the understanding of the ancient idea of the source of destiny, the possibilities of foreseeing destiny, reconciliation with destiny and confront it. The conclusion is made about the presence of two levels in the representation of the fate – the mythical and the logos, united in the idea of the need for subordination of man to the world order.

Keywords: fate, law, accident, necessity, justice, lots, logo, myth, policy, space, Moira

Article info: Received August 6, 2019; accepted for publication September 9, 2019; available online March 31, 2020.

For citation: Shaforostov A.I. (2020) The history of the formation of ideas about reality. Second step: fate and chance in Ancient Thought of the Classical Period. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 151–160. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-151-160>

Продолжая рассмотрение истории формирования представлений о реальности античными греками, основателями европейской философии и науки, мы обращаемся к одной из вечных тем, значимых и для античного, и для современного человека – теме случайности и судьбы. Объясняя выбор темы, следует отметить, что традиционно тема случайности берется исследователями в соотношении с необходимостью, а тема судьбы – в соотношении со свободой воли. Такой подход вполне оправдан, но недостаточен для наших целей, так как ориентирован на научное мировоззрение, оформившееся только в Новое время. Для античности же в большей степени характерно представление о слепой необходимости судьбы, которое в силу своей слитности задает представление о реальности именно в аспекте целостности.

Неожиданным образом исходная мифологема судьбы, рожденная в культуре античности и уступившая место более сложному религиозному учению христианского монотеизма о божественном промысле, замысле, провидении и т. д., – возвращается к современному человеку. Происходит это в результате «рационального перенапряжения культуры», требующего обновления исходной мифологемы о некоем надличностном начале, в качестве которого выступают и античные фатум, судьба, и «дао» в китайской философии (Петренко В.Ф., 2012. С. 25).

Одной из причин такой «рациональной перенапряженности» современного человека является наука, в которой с середины XX в. в разных сферах – это и радиоастрономия, и математика, и исследование жидких кристаллов, – в центре внимания

оказывается дихотомия закономерности и случайности, организации и неупорядоченности, порядка и хаоса в постоянном взаимодействии (Кнабе Г.С., 2001. С. 114). К одному из проявлений названного феномена рациональности можно отнести и рост интереса науки к исследованию мифа, понимаемого как элемент современной культуры, так как миф несет в себе указанную дихотомию.

Так как нас интересует история формирования представлений о целостной реальности, то мы стремимся выявить основные моменты видения мира античными греками классического периода на трех уровнях: 1) богов; 2) природы; 3) человека. Обращение к случайности является логическим продолжением рассмотрения формирования представлений о законах природы античной мыслью, судьба же предстает как переплетение случайности и законов Космоса. Основные задачи нашего рассмотрения таковы: выявить основные пункты: 1) мифической составляющей представления о случайности и судьбе; 2) логосного понимания случайности и судьбы; 3) влияния этих представлений на видение мира не только мыслителями, но и обычными людьми, жившими в доклассический и классический период античной Греции.

Исходным для нашего рассмотрения является общепринятое положение о том, что греки видели мир как упорядоченную целостность. Мир для греков – это Космос, то есть живое воплощение порядка и красоты. Судьба имеет прямое отношение к целостности космоса, так как именно в Судьбе и воплощается эта целостность, и, наоборот, целостность мира воплощается в Судьбе. Эта связка «космос-судьба» дополняется необходимостью, и

все в мире подчиняется неотвратимости судьбы, направляющей ход мира-космоса. Именно так можно кратко выразить понимание судьбы как первопринципа бытия согласно мировоззрению античных греков: судьба – это необходимость.

При этом в отношении античного понимания мира-космоса следует учитывать важную особенность: да, для грека мир подчинен необходимости, но это «бессмысленная» необходимость. Отмечается, что в структуре мифологического мировосприятия идея закона оказалась связанной с образом судьбы, ответственной за упорядоченную повторяемость (Кашперский В.И., 2007. С. 65). Современный человек, говоря или о практической необходимости, или необходимости как законе природы, обычно предполагает некий рациональный смысл данной необходимости, однако в отношении античной космической необходимости вопрос о смысле оказывается невозможным (Бакеева Е.В., 2014. С. 68). Рациональная осмысленность предполагает наличие цели, и мировая цель появится в античной мысли, но будет это только у Аристотеля. В мифологическом мировоззрении человека гомеровской эпохи место цели занимает целостность, понимаемая как *завершенность*, мир уже дан полностью и окончательно.

Одним из проявлений такой космической «необходимой бессмыслицы» можно считать известную идею «вечного возвращения». Мир-космос существует вечно, все его элементы образуют конечное множество, и все возникающее по сути есть рекомбинация одних и тех же элементов – позже такое понимание мира получило название «вечное возвращение», сами греки его не знали. Важно, что если признать все существующее существующим вечно, то придется исключить возможность появления единичных, неповторимых событий, без которых говорить об индивидуальной судьбе очень сложно.

Сложность вопроса о том, существует ли индивидуальная судьба, – определяется необходимостью прояснения онтологического статуса «индивидуального». Проблема в том, что в замкнутом, конечном мире, подчиненном циклическому времени, – а именно так предстает мир-космос для

античного грека, – *индивидуального* в строгом смысле слова (т. е. единичного, неповторимого) нет. Мир дан раз и навсегда, из ничего не может ничего возникнуть, и поэтому все что есть как отдельное, самостоятельно существующее тело – по своему статусу есть в строгом смысле слова *элемент*. Элемент же по определению не может быть индивидуален, он повторяем. Важен вывод, следующий из приведенных постулатов: возможность единичных событий – «т. е. таких событий, которые возникают только для того, чтобы никогда больше не повториться», практически полностью исключена (Гаспарян Д.Э., 2011. С. 37).

Общий ответ на поставленные вопросы достаточно прост: в образе судьбы находит свое выражение жизнь античного человека. Более развернутый ответ предполагает рассмотрение двух главных пунктов: 1) это выявление специфики собственно мифического выражения жизни и 2) само усложнение жизни человека, заставляющее задуматься именно о судьбе.

Развитие мифического образа судьбы. Мир целостен, но власть судьбы в нем проявляется не совсем однородно, так как мир населен не только людьми, но и богами. Исходный принцип бытия согласно мифическому воззрению на мир греков прост – судьба-необходимость правит всем.

Всесилие судьбы над людьми выражено словами гомеровского Гектора – «Но судьбы, как я мню, не избег ни один земнородный муж, ни отважный, ни робкий, как скоро на свет он родится» (Гомер, 1967. С. 121). В отношении же богов в главном источнике мифического видения мира – текста Гомера – такой однозначности нет. Боги не подвластны судьбе в той же мере, что и человек, но и сами не имеют над судьбой власти. Они скорее стоят рядом с силами судьбы, при этом у Гомера испытания посылаются человеку хотя и судьбой, но по велению богов.

Если выделить самый известный образ, в котором выражается античное представление о судьбе, – это нить, нить судьбы. Подробно рассмотрение истоков этого образа проводит В.П. Горан¹,

¹ В.П. Горан – советский и российский историк философии (р. 1940), работающий в СО РАН (Новосибирск).

отмечая, что нить связана с тканием одежды для новорожденного, то есть установлением связи «пряжа-нить-рождение». Этот образ не является чисто греческим, у индоевропейских народов были широко распространены представления о богинях судьбы как о Пряхах (Горан В.П., 1990. С. 89–90). Прядение нитей, создание из них ткани и одежды для будущего новорожденного – традиционный процесс, во многом сохранившийся и сегодня, когда семья готовится к рождению ребенка. Этот процесс вполне естественно связан с представлением о той жизни, что ждет новорожденного, о его судьбе, и сама идея судьбы по своему происхождению связана с представлением о рождении. А рождение неминуемо ведет человека к смерти.

Стоит добавить, что образ нити в мифологеме судьбы связан не только с образом прядения как подготовки к рождению человека, но и вообще с образом извилистости и гибкостью нити-жизни-судьбы. Хотя сама по себе извилистость жизненного пути, по которому человек идет к предначертанному ему Мойрами смертному часу все же остается вторичной. На первое место в представлении о судьбе для античного грека выходит сама предопределенная смерть, причем предопределение свершается в момент рождения.

Первоначально образ судьбы был связан с Мойрой. Главным исходным смыслом слова «мойра» было «разделение с бросанием жребия» (Горан В.П., 1990. С. 125). Этимологически этот образ восходит к глаголам *moirao* — «разделять» и *meiraomai* — «получать по жребию» и означает ту «долю», а вместе с тем и участь, которая выпадает ему уже при рождении и сказывается на различных обстоятельствах его жизни. В архаическом обществе греков одно из основных занятий – обработка земли, когда общая земля обрабатывалась сообща членами одного двора. Полученный урожай делили под наблюдением Мойры – божества-покровителя. Мойра влияет и на распределение земельных участков по жребию (Боннар А., 1994. С. 44).

Жизнь человека гомеровской эпохи (8–6 вв. до н. э.) определяется его «долей», – прежде всего, его наследственным положением в полисе, а также

его природными задатками (Аверинцев С.С., 2010. С. 663). Как считает известный британский исследователь античности Э. Доддс, человеку той эпохи было свойственно глубочайшее чувство незащищенности и беспомощности, связанное с тем, что божественные силы держат человека в подчинении, не позволяя ему подняться над своим уделом (Доддс Э., 2000. С. 20).

Свой жребий получают и люди, и боги (так и Зевс, и Посейдон правят каждый своей частью мира согласно выброшенному ими жребию). Примечательно, что смысл слова «номос» – «закон», первоначально также связанный с «разделением», смещается в направлении «разделение», но уже не связанное с бросанием жребия (Горан В.П., 1990. С. 125).

Известный немецкий исследователь античности, специалист по древнегреческой религии Вальтер Буркерт (1931–2015) так характеризует Мойру: это не божество и не сила, а данность, выражающая разделенность мира на части, разграниченные в пространстве и времени. «Самая важная и самая болезненная граница для человека – это смерть: здесь положен предел его «части» (Буркерт В., 2004. С. 229–230). Швейцарский филолог-эллинист, профессор Лозаннского университета в своей известной работе «Греческая цивилизация», опубликованной в начале 1960-х гг. также обращает внимание на то, что «Мойре никогда не придавали человеческого облика; это нечто вроде закона, неизвестного для всей вселенной, устойчивость которой она обеспечивает» (Боннар А., 1994. С. 189).

По поводу персонификации следует отметить, что постепенно образ Мойры все-таки персонифицируется, и связано это во многом с появлением культа, обращенного к богине судьбы. А обращаться с просьбой и молитвой можно только к силе, наделенной субъективностью², волей. Так, У. Гатри, автор фундаментальной истории древнегреческой философии, отмечает, что Необходимость и Судьба, Ананке и Мойра, были персонифицированными существами во времена Парменида (VI в. до н.э.) (Гатри У., 2017. С. 75).

² Тема субъекта, объекта и субъективности судьбы подробно рассматривается В.П. Гораном (Горан В.П., 1990).

Важнейшим моментом изначального представления о мойре, повлиявшем на все последующее понимание судьбы как слепой силы, была связь с непредсказуемостью бросаемого ею жребия, который тем не менее необходим к исполнению. Непредсказуемость жребия, определяющего судьбу человека, подчеркивается хтоническим происхождением Мойры. Хтоническое, темное, родовое начало, воплощаемое в судьбе человека через Мойру, с развитием социальности и усложнением индивидуальной жизни греков потребовало привести большей определенности в понимание судьбы. И ответом на эту потребность становится двойная генеалогия Мойры у Гесиода.

Гесиод, сохраняя происхождение Мойры как дочери Ночи (прямое воплощение тьмы и хаоса), вводит и второе рождение Мойры от Зевса, добавляя родственные связи Мойры с такими божествами как Эвномия – «Благозаконность», Дика – «Правда», «Справедливость», Ирена – «Мир». Эти связи возникают в силу того, что все названные божества – дочери Фемиды, которая затем становится матерью Мойры. В.П. Горан отмечает, что введение второго рождения (вторая генеалогия) Мойры важно в том плане, что подчиняет ее мировому порядку (Горан В.П., 1990. С. 100).

Одна из главных функций мифа – объяснительная. И в данном случае введение двойной генеалогии Мойры, выявление ее связи с порядком призвано было объяснить грекам, как слепая сила судьбы способна направлять космос, сохраняя в нем порядок.

В дальнейшем Ананке как судьба-необходимость становится предметом в основном философских размышлений. Стоит отметить, что обращение к судьбе-случаю, понимаемом как божественное вмешательство, характерно для многих аспектов греческой мысли с ранних времен, но в философии первый философ, сделавший акцент на вмешательстве провиденциального Бога в мир, – это Сократ (V в. до н. э.) (Dudley J., 2018. С. 60).

В мифах же усложнение представлений о судьбе ведет к появлению все большего числа божеств, связанных с судьбой. Это Кера как воплощение предопределения. Своя Кера есть у каждого

человека с момента его рождения, она ведет человека от рождения до предопределенного ему смертного часа. Адрастия – воплощение неотвратимости судьбы, Дике – космическая справедливость, Немесида – богиня мести, Эринии – мстительницы (в первую очередь, связаны с исполнением кровной мести).

Гераклит (544–483 гг. до н. э.) говорит об Эриниях как о помощницах богини правды Дике. Современный исследователь наследия Гераклита А.В. Лебедев поясняет, что контекстом гераклитовского фрагмента, где он говорит об Эриниях как союзницах Дике, является модель «космос как стадион» (или ипподром), «в которой мир представлен как стадион (или ипподром), противоборствующие космические силы – как соревнующиеся бегуны (или наездники), процесс изменения – как «дорога туда и обратно», поворотные пункты цикла – как «меты», божественный закон – как «клятва», которую не могут преступить противоборцы», и Эринии космической справедливости наказывают клятвopеступников (Лебедев А.В., 2014. С. 372). Вполне очевидно в образе судьбы предстает сплетение образов космического и человеческого порядков, следующее за развитием полисной жизни.

Развитие представления о судьбе тесно связано с представлением о том, кто именно подвластен судьбе. Общее направление развития этого представления от Гомера к эпохе эллинизма можно очертить достаточно просто: изменение образа судьбы связано с усложнением жизни человека (в политическом, экономическом и духовном аспектах) и заключается в том, что человек перестает быть просто объектом судьбы, просто смертным, ожидающим исполнения выпавшего ему жребия, но стремится стать субъектом своей судьбы, активно ее исполнить (противостоять судьбе невозможно – это положение незыблемо во все времена).

Поэтому при оценке роли Мойры дается утверждение о мировоззренческой значимости этого образа, проявляющегося «в сознании человеком своей индивидуальности» (Соколов В.В., 2010. С. 53). Такой вывод, на наш взгляд, слишком категоричен, хотя у него есть свое основание, так как в

образе мойры-судьбы заключается, во-первых, рациональная непрогнозируемость индивидуального существования, в особенности неведомость конечного момента жизни и, во-вторых, уверенность в некоей тотальной связанности бытия (Соколов В.В., 2010. С. 53). В пользу индивидуальности говорит и приводимое Гораном заключение о том, что «со стороны своего внутреннего содержания предрешения судьбы для каждого индивида сугубо индивидуальны». При этом мифологические представления о судьбе с точки зрения их конкретного содержания «не предполагали никакой общей закономерности, никакой внутренней «логики» в предрешениях судьбы» (Горан В.П., 1990. С. 302). Но этого все-таки представляется недостаточно для осознания индивидуальности, если понимать ее как неповторимость и уникальность человеческого бытия.

Общим для всех названных божеств является то, что они служат *исполнению* судьбы, олицетворяя ее отдельные аспекты. Поэтому для нашего рассмотрения судьбы как космической силы они вторичны, а на первое место выходят те, кто *определяет* судьбу: это Мойра, Ананке и наиболее поздняя по упоминанию в мифах – Тюхе, богиня случая.

Первоначально, отмечает А.Ф. Лосев, Мойры, эти страшные и неведомые богини рока и судьбы, управляли всем мирозданием, но постепенно их образ уступил место другим образам других божеств, связанных с судьбой и ее исполнением (Лосев, 1957. С. 74). Хотя в целом образ судьбы традиционно для всего древнего мира связан с мотивом сковывания, связывания (нить судьбы), у греков этот мотив дополняется новым – судьба как выбор, судьба как следование человека. Доддс полагает, что «мойра» постепенно развилась из безличной «участи» в личную «судьбу» (Доддс Э., 2000. С. 43), и такое развитие выразилось в появлении в архаическое время особого типа даймонов. Даймон особого, «судьбоносного» типа, связан с конкретным человеком обычно с рождения, и представляет собой индивидуальную мойру, или «удел» (Доддс Э., 2000. С. 70).

Слово *tύχη* (Тюхе) впервые встречается у поэта VII в. до н.э. Архилоха и спустя столетие стало употребляться в двух смыслах: 1) как судьба; 2) как случайное стечение обстоятельств (у Софокла) (Чайковский Ю.В., 1996. С. 188). Богиня «Тюхе» (*tύχη* – букв. «попадание») сменяет Мойру, когда кризис полисного уклада разрушает вековую традиционную жизнь и в жизни человека все большее место начинает занимать случайность и удача. В мифическом образе Тюхе важны два момента. Во-первых, Тюхе – это внешняя сила, она отчуждается от человека, и не связана с ним так, как с рождения была связана Мойра. Во-вторых, возвышение богини случайности Тюхе как богини судьбы отражало глубинные изменения в мировоззрении классической Греции, стоявшей на пороге эллинизма. Как пишет С. Аверинцев, «человек эллинизма ожидает получить уже не то, что ему "причитается" по законам традиционного уклада, но то, что ему "выпадает" по законам азартной игры» (Аверинцев, 2010. С. 664).

В послегомеровскую эпоху Мойры теряют самостоятельность и служат Ананке. Так, в VI в. до н. э. Фалес будет говорить об Ананке, богине судьбы и необходимости, вращающей веретено – мировую ось. Мойры, по одной из основных версий мифа, являются дочерьми Ананке и помогают ей управлять мировым веретеном.

В итоге к моменту пика развития классической эпохи древнегреческой культуры – V в. до н. э. – судьба воплощается в двух главных мифических образах: Ананке и Тюхе. Ананке – непреодолимая Необходимость и Случайность. Это две силы, две ипостаси судьбы, которые правят миром вместе.

В целом же мифологема судьбы включает следующие важнейшие пункты: 1) судьба как жребий, воплощение случайности; 2) бросание жребия связано с определением доли, которую невозможно вернуть, изменить; 3) судьба как исполнение с необходимостью predeterminedенной смерти; 4) судьба обязательно есть у каждого человека, в этом проявляется ее необходимость (всеобщность).

Судьба как сплетение случайности и необходимости. Судьба предстает как сила, правящая ми-

ром, и это правление есть осуществление необходимости. Необходимость, воплощенная в образе судьбы, есть не просто неизбежность, неминуемость смерти, ожидающей каждого человека. Необходимость судьбы есть проявление высшего космического порядка, закона. Этот момент законности, порядка подчеркивался многими исследователями античности.

Так, А. Боннар отмечал, что понятие греков о судьбе нельзя рассматривать как фатализм, Мойра – это начало, поставленное выше людей и богов и создающее из мира нечто упорядоченное (Боннар А., 1994. С. 189). В.П. Горан заключает, что мифология судьбы должна рассматриваться как этап формирования понятий закона и объективной необходимости, следующих за исходным этапом магического воззрения на мир (Горан В.П., 1990. С. 81).

Сложность в том, что понятие судьбы соединяет в себе и *упорядоченность*, привносимую в мир судьбой, и *случайность*, показывающую человеку его судьбу как слепую силу. Отметим, что в различные исторические эпохи греки, а за ними и римляне, выдвигали на первый план в образе судьбы то необходимость, то случайность, что во многом отражало состояние общественной и индивидуальной жизни. Отмеченная сложность понятия судьбы прямо связана с вопросом об источнике судьбы, который остается открытым. В силу присущей судьбе необходимости с ней не спорят, но остается неясность: что придает судьбе силу необходимости? Явного ответа греческая мифология не дает, она принимает как данность силу судьбы, оставляя вне своего поэтического рассказа главное – источник судьбы, ту силу, которая ее определяет. Судьба остается *пред-*определением.

Выскажем предположение, что представление о судьбе как силе, воплощающей необходимость, исходит из представления о целостности мира-космоса, и судьба является инструментом, обеспечивающим стабильность мира. Стабильность же мира строится на отмеченной выше идее замкнутости, конечности космоса.

Так как судьба стоит и над людьми и над богами, то и ее источник должен находиться за пре-

делами не только человеческого мира, но и мира богов. Но где же тогда? Здесь вопрос о судьбе пересекается с вопросом о начале, с которого началась греческая философия. Напомним, что образ судьбы в античной культуре – это, прежде всего, мифическое представление, и оно, как и миф в целом, в своем внутреннем развитии неминуемо должно было пересечься с логосом, одним из важнейших компонентов античного мышления и мировоззрения. Вопрос, постоянно привлекавший поэтов и мыслителей античности – может ли человек узнать и понять свою судьбу? И может ли ее изменить? Очевидно, что сам по себе этот вопрос выходит за пределы только античности, он вечен, но так же несомненно, что и сегодня опыт античности в осмыслении судьбы важен для нас.

Античная мифология судьбы воплощает в себе упорядоченность и беспредельность. Именно в контексте разрешения очень рано возникшего противоречия между обнаруживаемой слепостью судьбы и признанием ее упорядочивающей роли в мире вполне логично появление еще одного мифического образа, связанного с судьбой – Ананке, воплощающей Необходимость. Мойра уступает место Ананке, и появляются мифы, рассказывающие об Ананке как матери Мойры. Ананке-необходимость встречается и у Гомера, но отдельно от судьбы. Связь «ананке-необходимость-судьба» появляется у орфиков. Специфика орфического представления об ананке в том, что этот образ выражает «ощущение тягостности для индивиду власти над ним судьбы», судьба как «ананка» означает принуждение, подневольность (Горан В.П., 1990. С. 284). Роль Ананке в том, что она *сковывает* небеса, «то, что есть», чтобы сделать его целым и неподвижным, чтобы удерживать *peirata* (пределы, границы) звезд (Гатри У., 2017. С. 137).

Что же касается античного представления о судьбе, то присущую ей необходимость следует понимать с учетом двух аспектов. Во-первых, необходимость не «охватывает» всю силу судьбы, но относится к ее «исполнительной» составляющей: жребий, удел, доставшийся богу, человеку, полису, должен быть с необходимостью исполнен, но вот как этот жребий достается – здесь все покрыто

мраком в буквальном смысле. Я.Э. Голосовкер (советский исследователь, в 70-е гг. предложивший оригинальный подход к пониманию природы мифа на основе выявления особой, свойственной только мифу логики) отмечает, что Мойра – «это абсолютная творческая воля или сила желания» (Голосовкер А.Я., 2010. С. 114).

Второй аспект необходимости судьбы – в том, что признается особая, «случайная необходимость». Это выражение – «случайная необходимость» основано на простой идее, что есть: 1) некое правило, закон, воплощающие в себе *необходимость*, и есть: 2) *случайность* в конкретной реализации этого закона. Отмечается (Чайковский Ю.В., 1996. С. 193), что впервые это выражение появилось в мифопоэтических образах трагиков (Софокл, Эврипид), позже – в философии Платона, хотя сам Платон не давал определения случайности (Dudley J., 2018. С. 57).

Говоря о философии Платона и ее влиянии на представления о судьбе, обратим внимание еще на один важный пункт. Это его отношение к традиционной религии, к мифам и поэтам, их сочиняющим. Вводя в свои диалоги богов и понимая сам космос как бога (подробно это представлено в диалоге «Тимей»), он выступает против богов гомеровского типа, которые так же как люди завидуют, крадут, обманывают и т. п. Для нашей темы главным является то, что богов Платона нельзя склонить жертвами и мольбами, это связано с тем, что космос подчиняется своим законам, и вмешательство богов в жизнь человека ограничено. Ограничена тем самым и слепая сила судьбы.

У Платона впервые в античной мысли вводится математическое обоснование устойчивости видимого, чувственного мира, и математические принципы (а именно – многогранники, так называемые «платоновы тела», всего их пять) задают необходимость (т. е. устойчивость) вещей, возникающих как подобие умопостигаемых форм (идей). Необходимость, имеющая математическое основание и представляющая собой идеальную форму, скрепляет текучую изменчивую материю, позволяя вещи противостоять постоянной изменчивости. При этом отмечается неопределенность исходной

величины граней тех многогранников, которые составляют такие стихии как огонь, воду и воздух, способные, по Платону, переходить друг в друга. Отмеченная неопределенность важна тем, что «позволяет лучше понять разнообразие в рамках одного и того же элемента» (Бриссон Л., 2019. С. 191), что, по сути, и есть случайность в необходимости. И хотя вводимая Платоном математизация космоса не была прямо направлена на понимание судьбы человека, тем не менее важным следствием видения в мире неопределенности, имеющей математическое основание, было привнесение в последующее понимание судьбы элемента вероятности³.

Понимание судьбы в терминах «случайной необходимости» наиболее ярко будет представлено уже в следующую, эллинистическую эпоху стоиками (Степанова А.С., 1995). И хотя стоицизм выходит за пределы выбранного нами периода рассмотрения, кратко отметим главное. Да, судьба в понимании стоиков предстает преимущественно как слепая сила, но природа этой слепоты видится уже по-другому в сравнении с исходной слепотой судьбы-Мойры. Чем ниже ступень бытия, тем сильнее материя (в частности, человека) сопротивляется целенаправленной деятельности бога, и в итоге к божественному промыслу примешивается много слепой необходимости-судьбы (Соколов В.В., 2010. С. 214).

Судьба становится слепой не «сверху» (Мойры), а «снизу», на уровне человека, не способного увидеть целостность всех обстоятельств, складывающихся под воздействием всей совокупности причин, «определенных от вечности – в этом и состоит сила судьбы (*vis fatalis*)» (Майоров Г.Г., 2012. С. 178). Эта определенность конкретизируется: исходно судьба человека определена изначальными и абсолютными причинами, но в дальнейшем они осуществляются через причины «вспомогательные и ближайшие», привносящими долю случайности в изначальную определенную необходимость (Майоров Г.Г., 2012. С. 179).

³ Подробному рассмотрению истории понимания судьбы в контексте вероятности посвящена работа Ю.В. Чайковского (Чайковский Ю.В., 1996).

Выводы. Подводя итог рассмотрению выявленных выше аспектов понимания судьбы в античной мысли классического (середина V – посл. треть IV в. до н. э.), отметим следующее. Представление о судьбе выражает видение мира античным греком как целостного упорядоченного космоса, и идея судьбы соотнесена с мировым порядком. Важно то, что этот порядок и, соответственно, судьба «надчеловечны», человек не может понять ни исток, ни цель этого порядка. На уровне мифа принятие космического порядка как основания судьбы свое главное выражение находит в неминучести смерти, или смертной доли, отпускаемой богами каждому человеку. Важность космического порядка проявляется и в трансформации мифического

образа судьбы от изначально никому неподвластной слепой силы к необходимости, что находит свое выражение в развитии мифа «Мойры-Ананке-Тюхе».

Развитие таких аспектов судьбы как Тюхе выходит за пределы только мифа и связано уже с логосным видением судьбы, что выражается в понимании судьбы как сплетения случайности и необходимости. Осмысление этого сплетения стало одной из основных задач уже следующей, эллинистической эпохи, в частности, стоиками, для которых судьба из бессмысленной слепой силы превращается в неотвратимую высшую силу, несущую в себе изначальную предопределенность и мировую закономерность.

Библиографический список

Аверинцев С.С. Судьба // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. Т. III. 692 с.

Бакеева Е.В. Введение в онтологию: образы мира в европейской философии. Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 2014. 388 с.

Боннар А. Греческая цивилизация. Ростов-на-Дону: Феникс, 1994. Т. 1. 448 с.

Бриссон Л. Платон. М.: Rosebud Publishing, 2019. 288 с.

Буркерт В. Греческая религия: Архаика и классика. СПб.: Алетейя, 2004. 584 с.

Гаспарян Д.Э. Введение в неклассическую философию. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 398 с.

Гатри У. К. Ч. История греческой философии: в 6 т. Т. II: Досократовская традиция от Парменида до Демокрита. СПб.: Владимир Даль, 2017. 845 с.

Голосовкер Я.Э. Избранное. Логика мифа. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 496 с.

Гомер. Илиада. Одиссея. М.: Художественная литература, 1967. 782 с.

Горан В.П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск: Наука, 1990. 336 с.

Доддс Э. Греки и иррациональное. СПб.: Алетейя, 2000. 507 с.

Кашперский В.И. Закон. Законы науки // Эпистемы. 2007. Вып. 5: Проблемы науки. С. 63–75.

Кнабе Г.С. Строгость науки и безбрежность жизни // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 113–124.

Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мыс-

References

Averintsev S.S. (2010) Fate. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* = New Philosophical Encyclopedia. Moscow: Mysl'. Vol. III. 692 p. (In Russ.)

Bakeeva E.V. (2014) Introduction to ontology: images of the world in European philosophy. Ekaterinburg: izd-vo Ural'skogo universiteta. 388 p. (In Russ.)

Bonnar A. (1994) Greek civilization. Rostov-na-Donu: Feniks. Vol. 1. 448 p. (In Russ.)

Brisson L. (2019) Plato. Moscow: Rosebud Publishing. 288 p. (In Russ.)

Burkert V. (2004) Greek religion: Archaic and Classic. St. Petersburg: Aleteiya. 584 p. (In Russ.)

Gasparyan D.E. (2011) Introduction to Non-Classical Philosophy. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. 398 p. (In Russ.)

Gatri U. K. Ch. (2017) History of Greek Philosophy. In 6 vol. Pre-Socratic tradition from Parmenides to Democritus. St. Petersburg: Vladimir Dal'. Vol. II. 845 p. (In Russ.)

Golosovker Ya.E. (2010) Favorites. The logic of myth. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 496 p. (In Russ.)

Gomer (1967) Iliad. Odyssey. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 782 p. (In Russ.)

Goran V.P. (1990) Ancient Greek mythology of fate. Novosibirsk: Nauka. 336 p. (In Russ.)

Dodds E. (2000) Greeks and the irrational. St. Petersburg: Aleteiya. 507 p. (In Russ.)

Kashperskii V.I. (2007) Law. Laws of science. *Epistemy* = Epistems. Iss. 5. *Problemy nauki* = Science issues. P. 63–75. (In Russ.)

Knabe G.S. (2001) The rigor of science and the vastness of life. *Voprosy filosofii* = Philosophy Issues. No. 8. P. 113–124. (In Russ.)

Lebedev A.V. (2014) Logos of Heraclitus. Reconstruc-

ли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). СПб.: Наука, 2014. 533 с.

Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957. 620 с.

Майоров Г.Г. Философия как искание Абсолюта: Опыты теоретические и исторические. Изд. 3-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 416 с.

Петренко В.Ф. Знание в современной культуре (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 3–45.

Соколов В.В. Философия как история философии. М.: Академический Проект, 2010. 843 с.

Степанова А.С. Философия Древней Стои. СПб.: Издательство KN, 1995. 272 с.

Чайковский Ю.В. О природе случайности. Рождение проблемы // Историко-философский ежегодник 1995–96. М.: МАРТИС, 1996. С. 184–204.

Dudley J. Plato's Concept of Chance // Платоновские исследования. Вып. 9 (2018 / 2). С. 56–71.

tion of thought and word (with a new critical edition of fragments). St. Petersburg: Nauka. 533 p. (In Russ.)

Losev A.F. (1957) Ancient mythology in its historical development. Moscow: Uchpedgiz. 620 p. (In Russ.)

Maiorov G.G. (2012) Philosophy as a search for the Absolute: Theoretical and historical experiments] Moscow: LIBROKOM. 416 p. (In Russ.)

Petrenko V.F. (2012) Knowledge in modern culture (round table materials). *Voprosy filosofii* = Philosophy Issues. No. 9. P. 3–45. (In Russ.)

Sokolov V.V. (2010) Philosophy as a History of Philosophy. Moscow: Akademicheskii Proekt. 843 p. (In Russ.)

Stepanova A.S. (1995) Philosophy of the Ancient Stoic. St. Petersburg: Izdatel'stvo KN. 272 p. (In Russ.)

Chaikovskii Yu.V. (1996) About the nature of chance. Birth of problems. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik 1995–96* = Historical and Philosophical Yearbook 1995–96. Moscow: MARTIS. P. 184–204. (In Russ.)

Dudley J. (2018) Plato's Concept of Chance. *Platonovskie issledovaniya* = Platonic Investigations. Vol. 9 (2018 / 2). P. 56–71.

Критерии авторства

А.И. Шафоростов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Шафоростов Александр Иванович,
доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: ashafor@yandex.ru

Attribution criteria

A.I. Shaforostov carried out research work, on the basis of the obtained results he made a generalization, prepared the manuscript for publication, has copyrights to the article and bears full responsibility for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Alexander I. Shaforostov,
PhD, Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: ashafor@yandex.ru